
РАЗЫСКАНИЯ

И.А. МАЛЮТИНА¹

Российский Государственный университет им. А.Н. Косыгина

С.Д. ДРОЖЖИН И М.И. СЕМЕВСКИЙ

В статье рассматриваются обстоятельства знакомства и общения крестьянского поэта С.Д. Дрожжина и издателя и общественного деятеля М.И. Семевского, отраженные в автобиографических записках и воспоминаниях Дрожжина (1880-е гг.) и в «Альбоме» Семевского (1888), а также в Предисловии к «Автобиографии» С.Д. Дрожжина (1923). Представлены варианты стихотворений Дрожжина в «Альбоме» Семевского (1888) и в «Собрании сочинений» Дрожжина (2015). «Альбом» Семевского рассматривается как литературный опыт своего времени.

Ключевые слова: С.Д. Дрожжин, автобиографические записки и воспоминания, М.И. Семевский, «Русская старина» (1884), «Знакомые. Альбом» (1888), варианты стихотворений.

INNA MALIUTINA

*Russian State University named after A. Kosygin
(Technology. Design. Art.)*

S. DROZHZHIN AND M. SEMEVSKY

The article studies communication circumstances between a peasant poet S. Drozhzhin and a book publisher and public figure M. Semevsky. The circumstances of this communication were reflected in Drozhzhin's autobiographic notes and memoir (1880s) and in Semevsky's "Album" (1888). They are also described in the foreword to Drozhzhin's "Autobiography" (1923). Versions of Drozhzhin's poems from his "Compendium" and Semevsky's "Album" are studied in the article. Semevsky's "Album" is viewed as a literary experience of its time.

Keywords: S. Drozhzhin, autobiographic notes and memoir, M. Semevsky, "Russian antiquity" (1884), "Acquaintances. An album" (1888), versions of poems.

О знакомстве крестьянского поэта Спиридона Дмитриевича Дрожжина с историком, журналистом, общественным деятелем, редактором и издателем журнала «Русская старина» Михаилом Ивановичем Семевским (1837–1892) в 1883 г. говорится в дрожжинских «Записках автора о своей жизни и поэзии» (1894). Вот записи о событиях 1883 – начала 1884 г.: «Как и всегда при безденежьи, моя жизнь в семье была невыносима, и я волей-неволей, покинув дома жену и своих малюток, 9 ноября опять вернулся в Петербург и в отчаянии получить какую-нибудь должность поселился

¹ Инна Анатольевна Малютина, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и дизайна филиала РГУ им. А.Н. Косыгина в г. Твери

в старой квартире того же дома Яковлева. Должности, куда я ни обращался, нигде не находил. Литературный труд сравнительно с прежним временем хоть и давал мне лучший заработок, но всё же, как ни скромно я жил, не мог оправдывать моих необходимых расходов. Поэтому в конце года я принужден был по совету друзей обратиться в Комитет Литературного фонда за помощью. Просьба моя была уважена, и, кроме того, она же доставила мне удовольствие познакомиться лично с бывшим тогда членом Комитета Литературного фонда редактором “Русской старины” М.И. Семевским. Он сердечно отнесся к моему положению и в начале марта 1884 г. предложил мне написать для “Русской старины” свою автобиографию. Тогда же на основании имеющегося у меня дневника и записок я ее составил и к 1 мая сдал рукопись. После чего на полученный за нее авансом гонорар стал собираться в деревню» [Дрожжин, 2015, т. 3, с. 52-53].

Ниже также сказано: «Пользуюсь случаем, чтобы выразить мою признательность глубокоуважаемому редактору “Русской старины” М.И. Семевскому за его сердечное участие к моему положению и к моей литературной деятельности, также равно и всем моим друзьям за их нравственную и материальную поддержку.

2 декабря 1886 г. Дер. Низовка» [Дрожжин, 2015, т. 3, с. 58].

Во второй редакции автобиографии «Жизнь поэта-крестьянина С.Д. Дрожжина. 1905» об этих событиях сказано примерно так же [Дрожжин, 2015, т. 3, с. 113]. Здесь Дрожжин полностью называет имя и отчество Семевского, а также уточняет, что отдал рукопись своей автобиографии именно ему.

Следующая запись в дневнике Дрожжина с упоминанием М.И. Семевского датируется 6 сентября 1884 г.: «Сегодня была получена сентябрьская книжка “Русской старины”, где началось печатание моей автобиографии. Редактор М.И. Семевский написал к моей автобиографии вступление, в котором между прочим было сказано следующее: “В лице Спиридона Дмитриевича Дрожжина перед нами вновь является один из русских самородков-самоучек. Это поэт, поэт-крестьянин, бесспорно одаренный талантом и чувством. Но обстоятельства сложились для него не так благоприятно, как сложились они для его высокодаровитых предшественников – Кольцова и Никитина...

Если талант <Спиридона> Дрожжина, еще человека молодого, уже замечен в литературе, если некоторые журналы радушно отводят свои страницы для его поэтических произведений, то за всем тем крестьянин Дрожжин и на 36-ом году от рождения всё еще не выбился из тех крайне тяжелых жизненных условий, которые препятствуют и его самообразованию, и развитию его поэтического творчества... Во всяком случае жизнь такого человека интересна и поучительна. Вот

почему мы пригласили С.Д. Дрожжина рассказать нам грустную повесть своей жизни, исполненной почти непрерывных лишений и тяжелого скитальничества. С.Д. Дрожжин исполнил нашу просьбу; собственноручный рассказ его является здесь без малейших поправок и изменений”.

По окончании печатания автобиографии в декабрьской книжке “Русской старины” за 1884 год М.И. Семевский сказал еще между прочим: “Нам хотелось вновь выставить тот общеизвестный факт, что в среде народа русского таится много духовных сил, коль скоро из него выходят почти при полном отсутствии образования такие дарования, какое, несомненно, принадлежит Спиридону Дмитриевичу Дрожжину. Ученик дьячка, не прошедший ни единой школы, с самого нежного возраста брошенный в разные вертепы кабацкой жизни, он сохраняет всю чистоту своей нравственной природы. С жадностью отдается он чтению, превосходно овладевает родным языком, овладевает им даже грамматически, ибо пишет без малейших ошибок, и среди всевозможных лишений, скитаний и, прямо сказать, голода отводит душу свою в поэзии. Многие его произведения блещут несомненной свежестью, искренностью чувства, вполне художественными образами и вообще являют крупное дарование. Бодро смотрится на жизнь и будущность русского человека в виду таких явлений”» [Дрожжин, 2015, т. 3, с. 118–119].

Как водится, С.Д. Дрожжин приводит относящиеся к его творчеству и личности отзывы целиком, составляя подробнейший личный архив. Такая же скрупулезность была свойственна и М.И. Семевскому. Здесь же Дрожжин продолжает: «Вскоре после этого, прилагая в расчет за “Автобиографию” 43 рубля, М.И. Семевский писал мне между прочим следующее: “..Одна моя знакомая составляет детскую книгу для маленьких детей. Не найдете ли вы возможным на обычных условиях вознаграждения, какое за стих получаете, сообщить пять-шесть подходящих стихотворений. Книга предназначена для детей от 6 до 10 лет. Не замедлите ответом, ибо книжка уже печатается и выйдет к Рождеству. Если у вас есть новые стихотворения, то в виде дополнения к вашей автобиографии, я готов напечатать в „Русской старине“. Присылайте и сообщите, что вы обыкновенно за стих (нового, не изданного еще произведения) получаете.

В декабрьской книге „Русской старины“ за этот год прочтите мой отзыв о вас и о вашем поэтическом даровании. Пошли вам Господь не загубить талант, а развивать его всё более и более: трудом, чтением и самообразованием, и да сохранит вас от сомнения, этой язвы, погубившей много на Руси дарований. Напишите, что вы поделяете и чем занимаетесь с последнего нашего свидания, как вы

принесли свои записки?» [Дрожжин, 2015, т. 3, с. 121–122]. Эта запись говорит о том, что общение между Дрожжиным и Семевским в какой-то период было регулярным.

«Получив это письмо, – далее пишет Дрожжин, – я послал Михаилу Ивановичу несколько стихотворений, из которых для “Русской старины” он выбрал четыре, выслал за них деньги и 10 экземпляров отдельных оттисков “Автобиографии”, которые за исключением одного экземпляра я тогда же роздал своим ближайшим друзьям» [Дрожжин, 2015, т. 3, с. 121].

Очередное упоминание о М.И. Семевском в автобиографической «Жизни поэта-крестьянина С.Д. Дрожжина. 1905» относится к 1886 г.: «Осенью по совету Михаила Ивановича Семевского, жившего в это время в Висбадене, я написал к московскому генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову письмо, прося его содействия об устройстве меня в Москве на какую-нибудь согласно моему положению и моей способности должность» [Дрожжин, 2015, т. 3, с. 122]. Неизвестно, когда Дрожжин получил этот совет от М.И. Семевского. Но дальше в его Дневнике следует рассказ о неудачном визите крестьянского поэта к вельможе в начале 1887 г. [Дрожжин, 2015, т. 3, с. 122–124].

Запись о знакомстве и общении Дрожжина с М.И. Семевским в третьей редакции автобиографических записок «Автобиография. 1923» совпадает с записью во второй редакции [Дрожжин, 2015, т. 3, с. 150, 154–155, 158–160].

Последнее же упоминание о Семевском мы находим в записках Дрожжина «Автобиография. 1923» в описании событий 1923 г. – публичных торжеств по случаю 50-летия его литературной деятельности и 75-летия со дня рождения. Но Дрожжин здесь не сам пишет о Семевском, а подробно цитирует в свойственной ему манере своего нового биографа и редактора «Автобиографии» Н. Шебуева: в декабре 1923 г. «издательство “Девятое января”, транспосекция, выпустило из печати 5000 экз. мою доведенную до 9 марта настоящего года “Автобиографию” с приложением избранных стихотворений. Редактор этой книги Н. Шебуев в предисловии к ней говорит: “Первая автобиография Спиридона Дмитриевича написана по просьбе редактора академического журнала „Русская старина“ М.И. Семевского и сдана в печать 1 мая 1884 года. Вот, значит, когда уже был знаменит до такой степени, что заинтересовал собой орган, специально посвященный воспоминаниям примечательных лиц и документам исторического значения.

Итак, уже сорок лет назад автобиография Дрожжина была признана желательной, и появление ее в свет встречено как радостное литературное событие. Тем желательнее она теперь, когда после

мучительного непризнания поэт-крестьянин признан. За сорок лет автобиография Дрожжина в разных редакциях и изданиях выходила раз десять, но никогда еще она не была доведена до нынешних апофеезных дней 75-летней жизни поэта.

Никогда еще не было в ней отведено столько места радостнейшему для поэта и показательному для культурного роста народа факту – признанию Дрожжина крестьянской деревнею... Он проник в деревню чуть ли не глубже Кольцова, Никитина и Сурикова. Какую богатую пользу принесет рабоче-крестьянскому читателю эта автобиография! Как назидательна эта поистине сказочная история человека, начавшаяся в грязном вонючем кабаке, где он был рабом пьяниц и гуляк, и оканчивающаяся торжественным праздником, на котором сто певцов слились лирными голосами в ликующем славословии.

С.Д. Дрожжин на рассветной заре своей пережил великий день освобождения России от крепостной неволи. А на закатной заре пережил еще более великий день освобождения народов от цепей царства, барства, церкви, из вечной тьмы и несправия. В России сейчас нет ни одного поэта, который мог бы сказать, что в его песнях эти зори встречаются, сливаются, претворяются одна в другую. Тем ценнее его биография и тем примечательнее странички из его дневника, в особенности за последнее пятилетие» [Дрожжин, 2015, т. 3, с. 226–228].

Далее Н. Шебуев вспоминает предисловие М.И. Семевского к изданию первой Автобиографии Дрожжина, и то, что он говорит в связи с этим, даёт возможность сделать интересные культурологические выводы. Так, в своем «Предисловии» Н. Шебуев пишет: «Первая автобиография Спиридона Дмитриевича написана по просьбе редактора академического журнала “Русская старина” М.И. Семевского и сдана в печать 1 мая 1884 года. Вот, значит, когда уж он был знаменит до такой степени, что заинтересовал собой орган, специально посвященный воспоминаниям примечательных лиц и документам исторического значения. “Русская старина” – живой, подвижной архив человеческих документов, ценных для истории культурной (и некультурной тоже) России. Чуткий редактор этого архива уже в 1884 году считал, следовательно, Дрожжина историческою личностью, а его автобиографию документом, имеющим историческое значение, историческую ценность.

И, действительно, уже сорок лет назад Дрожжин занял свое определенное место в истории русской литературы как продолжатель и завершитель знаменитого цикла старших богатырей русской народной поэзии. Никитин, Кольцов, Суриков и Дрожжин – вот четыре чуда в истории русской литературы, почти таких же чуда, каким в малороссийской литературе был Тарас Шевченко» [Шебуев, 1923, с. 4–7], – кроме того, что здесь предложено такое интересное «иерархичное» сравнение, в

«Предисловии» Н. Шебуева четко отражена культурная парадигма России 1920-х гг. и ее основные структурные элементы: изменившаяся по сравнению с 1880-ми гг. социокультурная ситуация и социокультурная эмоция, самосознание субъекта культурной парадигмы и его ценностная иерархия; в лице С.Д. Дрожжина изображен духовный лидер и культурный герой эпохи – это сам человек как творец и носитель культурной парадигмы. Интересна и заочная полемика авторов двух предисловий к автобиографиям Дрожжина.

В 1880-х гг., пишет Н. Шебуев, «в то время как город, вся культурная Россия уже признавала талант и заслуги народного поэта, деревня встречала его враждебно. В тот же день, когда М.И. Семевский писал: “В лице Спиридона Дмитриевича Дрожжина перед нами вновь является один из русских самородков-самоучек. Этот поэт-крестьянин, бесспорно одаренный талантом и чувством...” В этот день избитый самородок заносил в дневник: “Июня 19. Нет ни чаю, ни сахару, ни табаку, а купить не на что; гроши, какие были, пошли на домашнюю нужду. Отец опять начинает меня преследовать: без чаю и табаку он не может жить...”» [Шебуев, 1923, с. 4–7].

Немудреные речи Н. Шебуева точнейшим образом отражают и фиксируют особенности новой социокультурной ситуации и исторические перемены: «За сорок лет автобиография Дрожжина в разных редакциях и изданиях выходила раз десять. Но никогда еще она не была доведена до нынешних апофеозных дней семидесятипятилетней жизни поэта. Никогда еще не было в ней отведено столько места радостнейшему для поэта и показательнейшему для культурного роста народа факту – признанию Дрожжина крестьянской деревней» [Шебуев, 1923, с. 4–7].

Характеризуя последнюю часть «Автобиографии» С.Д. Дрожжина, наполненную письмами читателей, Н. Шебуев отмечает: «На первый взгляд, даже странным, ненужным, быть может, даже обременительным покажется появление в печати тех писем, записочек, речей, детских лепетов и неуклюже построенных стихотворных посвящений Дрожжину, которыми пестрит вторая половина этой книги.

Но сам Дрожжин придает громадное значение этим незначимым с виду человеческим документам, потому что каждый из них в отдельности и все вместе в совокупности, они говорят о признании заслуг поэта крестьянскими детьми, народными учителями, рабочими, крестьянами, сельскими сходами, земскими учреждениями, исполкомами деревни, – словом, деревней, деревней и деревней. И я лично считаю не балластом, а ценным грузом эти красноречивые доказательства популярности поэта в самой гуще и толще народной.

Он проник в деревню чуть ли не глубже Никитина, Кольцова и Сурикова. В других автобиографиях говорится о признании Дрожжина городом: критикой, интеллигенцией, правительством, общественными деятелями и учреждениями. В них – народ безмолвствует. А в нашей книге – заговорил народ. Народ критикует. Народ признает. Народ восторгается. Народ превозносит. Трогательно читать эти восторженные лепеты, трогательно и отратно» [Шебуев, 1923, с. 4–7].

И дальше Шебуев вступает в полемику с Семевским: «Еще Семевский писал: “...обстоятельства сложились для него не так благоприятно, как сложились они для высокодаровитых предшественников – Кольцова и Никитина...” Прав Семевский. И не прав. Больше не прав, чем прав. Обстоятельства сложились для Дрожжина гораздо благоприятнее, чем для Кольцова и Никитина... Обстоятельства в виде чахотки, алкоголизма отца, нужды и тягостных испытаний свели в могилу в самых молодых годах и прасола Кольцова, и железоторговца Сурикова, и неудачника в жизни Никитина... А Дрожжина обстоятельства довели до глубокой, почтенной, умирительной старости. Обстоятельства отняли и Кольцова, и Никитина, и Сурикова от земли, от деревни, от родного поля. А Дрожжина эти же обстоятельства приковали к сохе, к землеробному, землеродному труду и – быть может, это главное – к музе-крестьянке, каковой 45 лет была его жена Мария Афанасьевна» [Шебуев, 1923, с. 4–7]. В строках этого «Предисловия» Н. Шебуева мы находим основные мифологемы и культурные штампы, созданные в литературе и культуре XIX в. и описывающие жизнь поэта-крестьянина XIX – начала XX в. с патетичностью и самоуверенностью нового культурного героя в новую эпоху.

Если Дрожжин отразил знакомство с Семевским в своих автобиографических записках, то записи о знакомстве с Дрожжиным самого Семевского можно поискать в его альбоме «Знакомые», который был издан в 1888 г. Записи Дрожжина здесь датируются годами с 1883 по 1886, он записывает текст нескольких стихотворений; в записи от 1 апреля 1884 г. рассказывает о себе: «Дрожжин, Спиридон Дмитриевич, крестьянин, родился в дер. Низовке, Тверского уезда, на берегу реки Волги и Шоши, 6-го декабря 1848 г. Занимаюсь литературой с 1866 года» [Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 213]. В Альбоме Семевского записано 6 стихотворений Дрожжина: «Молитва» («К тебе с горячею мольбою...»), «Как сердце в трепетной груди...», «В крестьянской семье», «Честным порывам дай волю свободную», «Рождение цветов» («Распустились почки, лес зашевелился...»), «Беда» («Как пришла беда неожиданная...»). Эти записи дают нам новые варианты текстов, не зафиксированные в трехтомном собрании сочинений

С.Д. Дрожжина (2015), они иногда довольно интересны, особенно в стихотворении «Честным порывам дай волю свободную». Сравним эти варианты, показывающие, что поэт-крестьянин работал с текстом своих произведений достаточно долго и тщательно. Так, в третьем собрании сочинений С.Д. Дрожжина 2015 г. в томе первом в стихотворении «Молитва» («К тебе с горячею мольбою...», 1870) читаем:

К тебе с горячею мольбою
 Я прибегаю, Боже мой:
 Не дай в борьбе с житейской тьмою
 Блеснуть падучею звездой!
 Рассей тяжелые сомненья
 И дух надеждой оживи,
 Прости душевные томленья
 И песни грустные мои!

<...>

[Дрожжин, 2015, т. 1, с. 41]

В «Альбом» М.И. Семевского запись сделана Дрожжиным 28 ноября 1885 г. в Санкт-Петербурге:

К тебе с горячею мольбою
 Я прибегаю – Боже мой!
 Не дай падучею звездою
 Блеснуть над грешною землей.
 Рассей тяжелые сомненья
 И дух надеждой оживи,
 Прости душевные томленья
 С огнем сжигающим любви.

<...>

[Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 162]

Стихотворение «Как сердце в трепетной груди...» (1882) в первом томе дрожжинского собрания сочинений:

Когда же радость через край
 Польется вдруг,
 Веселой песнею ласкай
 Мой слух!

[Дрожжин, 2015, т. 1, с. 185]

В «Альбоме» Семевского записано 28 ноября 1885 г., в Санкт-Петербурге:

То дивной песнею ласкай
 Мой слух!..

[Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 170]

Стихотворение «В крестьянской семье» («Детство золотое, Грустно ты прошло...», 1877) в первом томе дрожжинского собрания:

<...>

Иль на окна дышит
Закоптелых хат
Да узоры пишет,
Глядя на ребят...
Вот изба родная
В том селе стоит;
На печи больная
Бабушка лежит,
Охает, вздыхает,
В сердце грусть храня;
Полночь наступает,
Не видать огня.
Бабушка в кручине
С вечера без сна:
О родимом сыне
Думает она.

<...>

Деткам калачей

<...>

Бабушка, дружочек,
Не грусти о том,
Что с тобой в гробочек
Ляжем и уснем!

[Дрожжин, 2015, т. 1, с. 111]

В «Альбоме» Семевского запись этого стихотворения Дрожжина не датирована, соседние записи других авторов помечены 1883 г.:

<...>

Иль на окна дышит
Закопченных хат
Да узоры пишет,
Тешая ребят...
Вот изба родная
Под горой стоит,
На печи больная
Бабушка лежит,
Охает-вздыхает,
Глядя на меня...

Полночь наступает,
 Не видать огня,
 Бабушка в кручине,
 С вечера без сна,
 Все о милом сыне
 Думает она
 <...>
 Внуку калачей
 <...>
 Бабушка, дружок,
 Если ты умрешь,
 То с собой в гробочек
 И меня положи!

[Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 197–199]

1 апреля 1884 г. в Санкт-Петербурге крестьянский поэт сделал первую автобиографическую запись в «Альбом» Семевского: «Дрожжин, Спиридон Дмитриевич, крестьянин, родился в дер. Низовке, Тверского уезда, на берегу реки Волги и Шоши, 6-го декабря 1848 г. Занимаюсь литературой с 1866 года» [Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 213]. Здесь же Дрожжин записал стихотворение «Вольным порывам дай силу свободную...» (1879). В его собрании сочинений (2015) это произведение записано так:

Честным порывам дай волю свободную,
 Начатый труд довершай
 И за счастливую долю народную
 Жизнь всю до капли отдай!
 Теплой любви – векового призвания –
 В сердце своем не гаси,
 Чудною силою – светочем знания
 Будь на Руси.
 [Дрожжин, 2015, т. 1, с. 142]
 В «Альбоме» Семевского:
 Вольным порывам дай силу свободную,
 Зло беспощадно карай,
 И за народную массу бездельную
 Жизнь всю до капли отдай.
 Теплой любви, векового призвания
 В сердце своем не гаси,
 Чудною силою, светочем знания
 Русь воскреси!..

[Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 213]

Стихотворение «Рождение цветов» («Распустились почки, лес зашевелился...», 1883) в первом томе дрожжинского собрания:

Распустились почки, лес зашевелился,
От вершин до корня дождиком омылся.
На его окраине из травы душистой
Выглянул на солнце ландыш серебристый,
И открылись кротко от весенней ласки
Милой незабудки голубые глазки.

[Дрожжин, 2015, т. 1, с. 198]

В «Альбоме» Семевского:

Распустились почки, лес зашевелился,
Яркими лучами весь озолотился.
На его окраине из травы душистой
Выглянул на солнце ландыш серебристый,
И открылись кротко от весенней ласки
Бедной незабудки голубые глазки.

[Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 259]

Стихотворение «Беда» («Как пришла беда неожиданная...», 1886) в дрожжинском собрании:

В зиму лютую, суровую,
Где изба была тесовая,
Над гнилою там лачугою
Завывает буря с вьюгою.

[Дрожжин, 2015, т. 1, с. 248-249]

В «Альбоме» Семевского этот текст записан 8 мая 1886 в Санкт-Петербурге:

В зиму лютую суровую,
Где изба была тесовая,
Над гнилою там лачугою
Только плачет буря с вьюгою.

[Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 259]

В этом «Альбоме» есть 11 подписей самого М.И. Семевского. Обычно он делал их по какому-либо официальному поводу в числе других участников, например, в составе членов Комитета литературного фонда 2 февраля 1886 г., или несколько комично – среди участников обеда в память крестьянской реформы, 19 февраля 1884 г., в ресторане Донона, или же это семейные записи, где подписались все члены семьи Семевских, как, например, 20 мая 1873 г. в Санкт-Петербурге [Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 250, 207, 111].

Кроме того, в «Альбоме» М.И. Семевского есть записи, принадлежащие И.К. Айвазовскому, М.А. Балакиреву, М.П. Боткину, М.И. Глинке, И.А. Гончарову, И.Ф. Горбунову, К.Д. Кавелину, А.Н. Майкову, Л.Н. Майкову, К.Е. Маковскому, Т.П. Пассек, А.Н. Плещееву,

М.П. Погодину, Н.М. Пржевальскому, А.Н. Пыпину, И.И. Срезневскому, И.М. Сеченову – и это далеко не всё. Интересны записи, сделанные А.Н. Островскими М.Е. Салтыковым [Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 73, 165, 208, 338]. На страницах «Альбома» напечатаны стихи известных поэтов А.Н. Майкова и К.Р. [Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 360, 361], а стихотворение Я.П. Полонского «Влюбленному понять мечты свои нельзя...» опубликовано здесь с авторской пометой «напечатано не было» [Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 362]. Приведу истинно «альбомное» стихотворение А.А. Голенищева-Кутузова, опубликованное на странице 20 «Альбома», хотя его автор даже не указан в оглавлении при перечислении персоналий:

Мне мил обычай старины
Приветы вписывать в альбомы.
Промчатся годы, стих знакомый
Дохнет отрадою весны
Сквозь холод жизненной истомы,
Былое вспыхнет ярким сном,
Очнутся мысли, чувства, речи –
И дней давно минувших встречи
Тогда помянутся добром. (1888, СПб.)

[Знакомые. Альбом М.И. Семевского, 1888, с. 220]

Понятно, что «Альбом» М.И. Семевского представляет собой и интересный литературный опыт, и ценный культурологический источник, поскольку даже простое перечисление имен в оглавлении создает представление о культурно-исторической ситуации середины – второй половины XIX в. Критик, скрывшийся за инициалами П.П., иронически написал тогда, что Семевский «создавал нечто совершенно-новое и своеобразное, некий альбом в совершенно особом, современном духе», но теперь мы действительно можем считать, что его «Альбом» – «не только любопытное явление в нашей литературе, но и прекрасный материал для характеристики современных литературных отношений, современных воззрений на литературную собственность, современных понятий о литературных приличиях» [П.П., 1888, с. 687]. Ирония автора рецензии на «Альбом» М.И. Семевского по поводу его слов о том, что этот «Альбом» послужит «одним из полезных источников необходимых данных для биографических словарей русских подвижников науки, литературы и искусств» [П.П., 1888, с. 680], нам не вполне близка.

М.И. Семевский – историк, редактор и издатель журнала «Русская старина», был чиновником и общественным деятелем, активным, неутомимым и педантичным, служил в Государственной канцелярии, участвовал в городском самоуправлении Петербурга, был

гласным Петербургской городской думы, много времени и трудов отдавал работе в городской училищной комиссии, при этом «преследуя единственно лишь цели общего блага и пользы». Современники поразному оценивали личность Семевского: с одной стороны, признают, что во всех сферах своей деятельности этот патриот и труженик проявил себя одинаково талантливо, с другой – отмечают его тяжелый характер и манеру пренебрегать «всеми установившимися понятиями о литературных приличиях и литературной деликатности» [П.П., 1888, с. 687]. В некрологе о нем было написано: «Он был истинный патриот, и его жизнь может служить примером того, как много полезного может сделать человек, когда он преисполнен энергии, трудолюбия и желания отдать все силы на служение Отечеству» [Журнал Министерства народного просвещения, 1892, с. 88].

Подводя итог на этом этапе работы, можно отметить, что между М.И. Семевским и С.Д. Дрожжиным немало общего: им обоим приходилось жить не так, как хочется, а как позволяют и диктуют жизненные обстоятельства, ограничивать себя в насущных потребностях, но при этом видеть литературный труд желанной целью жизни. Для обоих характерна привычка к постоянному труду и обоих в конце жизни современники называли «бескорыстными и самоотверженными тружениками». Оба они, как «второстепенные литературные таланты» (В.Г. Белинский), отражают в своей жизни и деятельности типичные черты культуры своей эпохи и в то же время прокладывают путь вперед: как Дрожжин в крестьянской поэзии шагнул дальше Кольцова и Никитина, так и М.И. Семевский хотя бы и в том же своем альбоме «Знакомые» предугадал многие черты литературного этикета нашего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дрожжин, С. Д. Собрание сочинений: в 3 т. / С.Д. Дрожжин. – Тверь: СФК-офис, 2015.

Знакомые. Альбом М.И. Семевского / М.И. Семевский. – Санкт-Петербург, 1888. – 414 с.

Некролог М.И. Семевского // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1892. – Май. – С. 88.

П.П. Литературный курьез / П.П. // Исторический вестник. Санкт-Петербург, 1888. – Т. 32. – № 6. – С. 687.

Шебуев, Н. Предисловие / Н. Шебуев // С.Д. Дрожжин. Автобиография с приложением избранных стихотворений. – Москва: Издание Девятое января транспосекции, 1923. – С. 4–7.

REFERENCES:

Drozhhin, S.D. Sobranie sochinenij: V 3 t. / S.D. Drozhzhin. – Tver: SFK-ofis, 2015.

Nekrolog M.I. Semevskogo // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveschenia. – Sankt-Peterburg, 1892. – Maj. – S. 88.

P.P. Literaturnyj kurioz // Istoricheskij vestnik. – Sankt-Peterburg, 1888. – T. 32. – № 6. – S. 687.

Shebuev, N. Predislovie / N. Shebuev // S.D. Drozhzhin. Avtobiografia s prilozheniem izbrannyh stihotvorenij. – Moskva: Izdanie Devjatoe janvarja transposekcii, 1923. – S. 4–7.

Znakomye. Albom M.I. Semevskogo. – Sankt-Peterburg, 1888. – 414 s.